

Совершенство... Красивая, смешная,
берущая за душу чудо-книга...
Блестящая история любви и мужества.

WALL STREET JOURNAL

ПОНИ

Р. ДЖ. ПАЛАСИО

Большой роман

Р. Дж. Паласио

Пони

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 821(7Сое)-44

Паласио Р.

Пони / Р. Паласио — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21974-8

1860 год. Американская глубинка. Двенадцатилетний Сайлас, еще в младенчестве лишившийся матери, живет с отцом, гениальным изобретателем, в старом доме вдали от людей. Единственный друг Сайласа – призрак давно умершего паренька, который по воле небес опекает осиротевшего малыша с первых дней его жизни. И вот однажды ночью трое зловещих всадников увозят отца Сайласа. Мальчику удается спастись, хотя незваные гости привели лошадь и для него – арабского скакуна, которого испуганный Сайлас в темноте принимает за пони. Погрузившись в отчаяние, он остается ждать отца в компании своего верного друга-призрака. Но когда утром перед домом появляется тот самый пони, Сайлас решает отправиться на поиски отца. Это опасное путешествие свяжет мальчика с его прошлым, будущим и непостижимым миром вокруг... «Пони» Р. Дж. Паласио – это берущая за душу, красиво написанная история о силе любви и узах, связывающих нас сквозь время и расстояние. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 821(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21974-8

© Паласио Р., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Р. Дж. Паласио

Пони

Copyright © 2021 by R. J. Palacio

© Е. А. Копосова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Нашу сущность не выразить словами...
Маргот Ливси. Ева перемещает мебель

Посвящается моей матери

Прощай, любовь моя, пора мне уезжать,
С тобой расстанусь ненадолго.
Но куда бы ни поехал, я вернусь,
Даже если буду за десять тысяч миль.
За десять тысяч миль, любовь всей моей жизни,
За десять тысяч миль или дальше,
И пусть расплавится камень, пусть сгорит море,
Если я к тебе не вернусь.
О, вернись, любовь всей моей жизни,
И останься со мной ненадолго.
Ибо, если и был у меня друг на этой земле,

Этим другом был ты.

Народная песня «Прощание»

Глава первая

*Я оставил Итаку, чтобы узнать о жребии отца своего.
Франсуа Фенелон. Телемак. Перевод Ф. Лубяновского*

Заметка из газеты «Боунвильский курьер» от 27 апреля 1858 года.

Недавно мальчик десяти лет, живущий в окрестностях Боунвиля, на пути домой попал в грозу. Едва он укрылся от непогоды под большим дубом, как в дерево ударила молния. Мальчик без чувств упал на землю, а вся его одежда обратилась в пепел. Но в тот день фортуна улыбнулась ему: свидетелем несчастья оказался отец мальчика, который не растерялся и сумел оживить сына с помощью мехов для раздувания огня. В дальнейшем ребенок полностью оправился и никак не пострадал от происшествия, однако молния оставила ему необычный сувенир – на его спине отпечатался силуэт дерева! В последние годы задокументировано уже несколько таких «дагеротипов молнией», являющих собой очередную научную загадку.

1

Та моя встреча с молнией вдохновила Па на изучение фотографической премудрости, из-за которой все и началось.

Па и раньше интересовался фотографией, ведь родом он из Шотландии, где это искусство процветает. Он пробовал делать дагеротипы, когда только обосновался в Огайо – в краю, богатом минеральными источниками (откуда добывают бром, важный компонент проявочного процесса). Но дагеротипия – дорогостоящее занятие, приносящее очень скромную прибыль, и Па не смог продолжать дело. «У людей нет денег на изящные сувениры», – рассудил он. Вот почему он стал сапожником. «Зато сапоги всегда нужны», – говорил Па. Его специальностью были кожаные веллингтоны с низким голенищем, причем в каблуках он устраивал потайное отделение для хранения табака или складного ножика. Сапоги с тайником пользовались большим спросом, так что мы неплохо жили за счет заказов. Работал Па в мастерской рядом с хлевом и раз в месяц ездил в Боунвиль с целой повозкой обуви. Повозку тянул наш мул по кличке Мул.

Но после того как молния отпечатала у меня на спине силуэт дуба, Па вновь направил свое внимание на фотографирование. Он был убежден, что изображение на моей коже возникло в результате тех же химических реакций, на которых основан фотографический процесс. «Человеческое тело, – говорил он мне, смешивая вещества, которые пахли яблочным вкусом и тухлыми яйцами, – есть сосуд для тех же загадочных субстанций, объект тех же физических законов, что и вся остальная вселенная. Если изображение под воздействием света может фиксироваться на твоём теле, значит такое же воздействие зафиксирует изображение и на бумаге». И поэтому его теперь привлекала не дагеротипия, а только что изобретенная форма фотографирования, где бумагу смачивали в растворе солей железа, а потом переносили на нее посредством света позитивное изображение со стеклянного негатива.

Па быстро освоил новый метод – коллодионный процесс – и прославился своим доселе невиданным ремеслом на всю округу. Неустанно экспериментируя, не боясь неудач, он научился делать снимки невероятной красоты. Эти ферротипы (такой термин придумал для них Па) не обладали четкостью дагеротипов, напротив – они состояли из тонких переходов света и тени, чем напоминали рисунки углем. Па разработал собственную формулу светочув-

ствительной эмульсии и запатентовал ее, после чего смог открыть ателье в Боунвиле, недалеко от здания суда. И моментально в наших краях вспыхнуло повальное увлечение его портретами на покрытой железистым порошком бумаге, ибо стоили они несравнимо дешевле дагеротипов и могли воспроизводиться с одного негатива бесчисленное количество раз. Чтобы сделать снимки еще привлекательнее и получить плату за дополнительную услугу, Па раскрашивал их цветными пигментами, замешанными на яйце, отчего портреты обретали поразительное сходство с оригиналом. В ателье отовсюду съезжались люди, желающие сделать у Па свою фотографию. Одна богатая леди приехала из самого Акрона. Я помогал Па в ателье, устанавливал освещение и чистил фокусирующие пластины. Несколько раз Па даже позволил мне полировать новую линзу для портретной съемки, которая была самым крупным нашим вложением в дело и требовала деликатнейшего обращения. И постепенно обстоятельства складывались так, что Па стал подумывать о продаже сапожного дела. По его собственному выражению, «запахи фотографических составов все же приятнее вони чужих ног».

Но тут спокойное течение нашей жизни нарушилось раз и навсегда предрассветным визитом троих всадников, вороного жеребца и пони с белой отметиной на морде.

2

В ту ночь меня разбудил Митиваль.

– Сайлас, просыпайся! Сюда кто-то едет!

Я бы солгал, сказав, что тревога в его голосе заставила меня тут же вскочить с постели. Ничего подобного. Я пробормотал что-то невнятное и зарылся поглубже в одеяло. Тогда он как следует ткнул меня в бок, что для него непростая задача. Призраки не слишком приспособлены для физического воздействия в материальном мире.

– Дай мне поспать, – недовольно буркнул я.

Но тут у входной двери завыл Аргус, словно дух смерти банши, и клацнул металл – это Па взвел курок ружья. Я выглянул из оконца рядом с кроватью, однако в ночной темноте не было видно ни зги.

– Их трое, – сказал Митиваль, глядя в то же окно поверх моего плеча.

– Па! – позвал я и спустился с чердака, где была устроена моя комнатка.

Он уже был в сапогах и всматривался в чернильную тьму через окно, выходящее на улицу.

– Сайлас, не высовывайся! – остановил он меня.

– Зажечь лампу?

– Нет. Ты видел что-нибудь из своего окна? Сколько их? – спросил Па.

– Сам я не видел, но Митиваль говорит, что их трое.

– С ружьями, – уточнил Митиваль.

– И у них ружья, – добавил я. – Па, что им тут надо?

Па не ответил. Теперь до нас донесся стук копыт, и он приближался. Держа ружье наготове, Па приоткрыл дверь. Потом он набросил на плечи пальто и обернулся ко мне.

– Из дома не выходи, Сайлас, что бы ни случилось, – произнес он строго. – А если что, беги к Хавлоку. Через заднюю дверь, полями. Слышишь?

– Но ты же не пойдешь к ним?

– Придержи пса, – вместо ответа сказал он. – Не выпускай его из дома.

Я надел на Аргуса ошейник.

– Па, ты же не пойдешь туда? – повторил я вопрос, сам не свой от испуга.

Он опять не стал отвечать, открыл дверь и вышел на крыльцо, направив ружье на приближающихся всадников. Он был смелым человеком, мой Па.

Я подтянул Аргуса поближе, потом пробрался на четвереньках к окну и осторожно выглянул. К дому подъехали трое, все верхом, как и говорил Митиваль. Один из них вел за собой четвертую лошадь – огромного вороного жеребца, а следом скакала пятая лошадка – невысокая, с белой отметиной во всю морду.

Незнакомцы заметили ружье в руках Па и натянули поводья, притормаживая коней. Вожак троицы, мужчина в желтом плаще, остановил своего коня и вскинул руки вверх в знак мирных намерений.

– Эй, спокойно! – крикнул он моему Па, находясь всего в сорока футах от нашего крыльца. – Можете опустить ружье, мистер. Я приехал с миром.

– Сначала вы свое оружие опустите, – ответил Па, не убирая ружья от плеча.

– Мое? – Мужчина с показным удивлением посмотрел на свои пустые руки, затем огляделся и только потом будто в первый раз заметил ружья у своих спутников. – Парни, спрячьте стволы! Вы производите дурное впечатление. – Он снова обернулся к Па. – Сожалею, что так вышло. Ничего такого они не имели в виду. Всего лишь привычка.

– Кто вы? – спросил Па.

– А вы Мак Боут?

Па мотнул головой:

– Кто вы такие? И с какой стати примчались сюда посреди ночи?

Мужчина в желтом плаще, казалось, вовсе не боялся наведенного на него ружья. В темноте деталей было не разглядеть, но я прикинул, что он будет пониже моего Па (мало кто в целом Боунвиле мог похвастаться ростом, как у Па). И помоложе. На голове у него красовался котелок, как подобало бы джентльмену, хотя, на мой взгляд, никаким джентльменом он не был. Он был вылитый разбойник. С остроконечной бородкой.

– Ну же, зачем так волноваться, – беспечно сказал он. – Мы с парнями думали прибыть сюда к рассвету, да вот получилось раньше. Я Руф Джонс, а это Себ Мортон и Эбен Мортон. Не пытайтесь понять, кто из них кто, это невозможно. – (Только тогда я заметил, что два нескладных великана за спиной жоака были точной копией друг друга и на их круглых, как луна, головах сидели одинаковые широкополые котелки с лентой на тулье.) – Мы к вам приехали с весьма интересным деловым предложением от нашего босса, мистера Роско Оллереншоу. Вы, конечно же, слышали о нем?

Па ничего на это не ответил.

– Во всяком случае, о вас, Мак Боут, мистер Оллереншоу весьма наслышан, – продолжил Руф Джонс.

– Кто такой Мак Боут? – прошептал мне на ухо Митиваль.

– Не знаю я никакого Мака Боута, – сказал Па из-за ружейного приклада. – Меня зовут Мартин Бёрд.

– Конечно, – легко согласился Руф Джонс. – Мартин Бёрд, фотограф. Мистер Оллереншоу отлично знаком с вашей работой! Потому-то он и послал нас к вам, понимаете? У него есть деловое предложение, которое он хотел с вами обсудить. Ради этого мы проделали долгий путь. Не пригласите ли нас в дом? Мы всю ночь в седле. Я продрог до костей. – И он поднял воротник плаща, демонстрируя, как ему холодно.

– Если хотите поговорить о бизнесе, то приходите в мое ателье в дневное время, как принято среди цивилизованных людей, – заявил на это Па.

– И почему вы говорите со мной в таком тоне?! – воскликнул Руф Джонс, словно недоумевая. – Природа нашего дела требует некоторой приватности, только и всего. Мы не желаем вреда ни вам, ни вашему мальчугану Сайласу. Это ведь он прячется за тем окном, верно?

Не буду скрывать: от страха у меня сдавило горло и я вжался в стену под окном. Митиваль, стоящий у меня за спиной, пригнул меня еще ниже к полу. Но вскоре я не выдержал и снова приник к стеклу.

– У вас пять секунд, чтобы убраться с моей земли, – отчеканил Па, и по его голосу я понял, что он говорит серьезно.

Однако Руф Джонс как будто не услышал угрозы в словах моего Па, ибо в ответ рассмеялся.

– Эй, потише, не сердитесь так, – благодушно сказал он. – Нас послал мистер Оллереншоу, вот поэтому мы тут. Как я уже говорил, он не желает вам ничего плохого. Напротив, он хочет помочь вам. Он просил передать, что это дело принесет вам много денег. «Целое состояние», вот его точные слова. А от вас требуется только потерпеть небольшое неудобство. Неделя работы – и вы богатый человек. Мы даже привели с собой лошадей для вас! Вот этого здорового жеребца вам, а того симпатягу – вашему мальцу. Мистер Оллереншоу коллекционирует лошадей, знаете ли, и он оказывает вам большую честь, одалживая своих лучших скакунов.

– Меня это не интересует. У вас осталось три секунды, – ответил Па. – Две...

– Хорошо! Хорошо! – воскликнул Руф Джонс и замахал руками. – Мы уедем. Не нервничайте так! Поехали, парни.

Он, дернув поводьями, стал разворачивать своего коня, и близнецы последовали его примеру, ведя за собой двух лошадей без седоков. И вот они уже двинулись прочь от нашего дома обратно в глухую ночь. Но всего через несколько шагов Руф Джонс остановился. Он раскинул руки в стороны наподобие распятия, чтобы показать, что не вооружен. Потом посмотрел через плечо на Па.

– Но завтра мы вернемся, – предупредил он, – и приведем с собой гораздо больше людей. По правде говоря, мистер Оллереншоу не из тех, кто легко сдается. На этот раз я пришел мирно, но не могу обещать, что завтра все будет так же. Мистер Оллереншоу... как бы это сказать... он знает, чего хочет.

– Я позову шерифа, – пообещал Па.

– В самом деле, мистер *Боут*? – хищно усмехнулся Руф Джонс, в его голосе не осталось и следа былой бойкости.

– Моя фамилия Бёрд, – поправил его Па.

– Точно. Мартин Бёрд, фотограф из Боунвиля, который живет на отшибе со своим сыном Сайласом Бёрдом.

– Убирайтесь! – глухо проронил Па.

– Ладно, – ответил Руф Джонс, но не прищипорил коня.

Затаив дыхание, я следил за происходящим. Митиваль стоял рядом. Прошло несколько секунд. Никто не двинулся с места и не произнес ни слова.

3

– Вот в чем загвоздка, – наконец заговорил Руф Джонс, по-прежнему держа руки в стороны и с прежней наигранной живостью в голосе. – Получается, мы поедем сейчас обратно через бескрайнюю прерию, потом через Чашобу только затем, чтобы завтра проделать весь этот путь заново, но уже с дюжиной парней, вооруженных до зубов. Бог знает, что может случиться, когда дула торчат во все стороны. Вы же понимаете, как это бывает. Порой происходят ужасные трагедии. Но если вы поедете с нами прямо сейчас, мистер Боут, всех этих неприятностей мы счастливо избежим. – Он развернул руки ладонями кверху. – Давайте не будем все усложнять. Вы с вашим мальцом спокойно прокатитесь с нами на этих отменных конях. А через неделю мы доставим вас обоих домой. Это клятвенное обещание дает вам не кто-нибудь, а сам босс. Кстати, он просил, чтобы я вам так и передал, слово в слово: «клятвенное обещание». Ну же, соглашайтесь, Мак Боут, это выгодное предложение! Что скажете?

Я видел, как Па – ружье нацелено на Джонса, палец на спусковом крючке – сжал челюсти. В тот момент я не узнавал его лица. Не узнавал напряженных углов его тела.

– Я не Мак Боут, – процедил он. – Я Мартин Бёрд.

– Да, конечно, мистер Бёрд! Прошу меня извинить, мистер Бёрд! – ухмыльнулся Руф Джонс. – Как бы вас ни звали – что скажете? Предлагаю не доводить дело до ссоры. Опустите ружье и поезжайте с нами. Что такое одна неделя? А вернетесь домой уже богатым человеком.

Па колебался еще одну долгую секунду. Мне показалось, что в нее уместилось все время мира. А ведь так оно и было, потому что эта секунда изменила мою жизнь навсегда. Па опустил ружье.

– Что он делает? – отчаянно зашептал я Митивалю.

Меня охватил страх, какого я еще не ведал. Мое сердце словно замерло. Весь мир перестал дышать.

– Хорошо. Я поеду с вами, – тихо произнес Па, и его слова громом взорвали ночную тишину. – Но моего сына не трогайте. Он останется здесь, в безопасности. Он никому ничего не расскажет. Здесь все равно никого не бывает. А я должен вернуться через неделю. Вы сказали, что Оллереншоу поклялся в этом. Ни днем позже.

– Хм... ну не знаю, – озадаченно промямлил Руф Джонс, трясая головой. – Мистер Оллереншоу сказал, чтобы я привез вас обоих. Он подчеркнул это несколько раз.

– Повторяю, – твердо ответил Па, – только так я соглашусь поехать с вами. А иначе неприятностей не миновать здесь и сейчас или потом, когда бы вы ни появились. Я хорошо стреляю. Уж поверьте мне.

Руф Джонс снял котелок и вытер лоб, затем посмотрел на своих спутников, но те ничего не сказали, а может, пожалели плечами. В темноте я почти ничего не мог разглядеть, кроме их плоских бледных лиц.

– Ладно-ладно, пусть все будет по-хорошему, – сдался Руф Джонс. – Значит, едете только вы. Но прямо сейчас. Бросьте мне ружье, и покончим с этим.

– Вы получите его, когда доберемся до Чащобы, не раньше.

– Ох, ну хорошо, только поехали поскорее.

Па кивнул:

– Я возьму кое-что из вещей.

– Вот уж нет! Мне эти уловки ни к чему, – поспешно возразил Руф Джонс. – Садитесь в седло, мы отправляемся сейчас же! Или все отменяется!

– Нет, Па! – закричал я и бросился к двери.

Па обернулся все с тем же незнакомым мне выражением лица. Как будто он повстречал дьявола. Меня оно напугало еще сильнее, это его лицо. Глаза превратились в щелки.

– Ты будь в доме, Сайлас, – приказал он, направив на меня палец. И прозвучало это так сурово, что я застыл на пороге словно вкопанный. Ни разу за всю мою жизнь он не обращался ко мне подобным тоном. – Со мной все будет в порядке. Но ты не смей покидать дом. Ни при каких обстоятельствах. Я вернусь через неделю. Еды тебе хватит. Ты справишься. Слышишь?

Я словно онемел. Я не мог бы ничего сказать, даже если бы попытался.

– Сайлас, ты меня слышишь?

Дар речи вернулся ко мне, и я взмолился со слезами в голосе:

– Но... Па!

– Так надо, – ответил он. – С тобой тут ничего не случится. Через неделю я вернусь. Ровно через семь дней. А теперь иди в дом, быстро!

Я сделал так, как велел Па.

Он подошел к вороному жеребцу, вскочил в седло и, ни разу не посмотрев в мою сторону, развернул коня и поскакал прочь. Через пару секунд он и трое всадников растаяли в бескрайней тьме.

Вот так мой Па согласился помочь банде матерых фальшивомонетчиков, только тогда я этого еще не знал.

4

Не знаю, как долго я стоял у двери и смотрел на холм, за которым скрылся Па. Наконец небо на востоке начало светлеть.

– Иди сюда, присядь, – мягко окликнул меня Митиваль.

Я качнул головой. Мне было страшно оторвать взгляд от той точки вдаль, куда уехал Па, – казалось, что если я упущу ее из виду, то больше никогда не найду. Наш дом окружает совершенно плоская равнина, только один-единственный холм медленно вздымается к востоку и затем ныряет в Чашобу. Чашоба – это огромный старый лес, окруженный плотными зарослями акации, сквозь которые не проберется даже самая маленькая повозка. По крайней мере, так говорят.

– Иди в дом и отдохни, – повторил Митиваль. – Мы сейчас ничего не можем сделать. Остается только ждать. Он вернется через неделю.

– А если не вернется? – прошептал я, и слезы покатались по моим щекам.

– Обязательно вернется, Сайлас. Па знает, что делает.

– Что им от него нужно? Кто такой этот мистер Оскар Рен-Как-Его-Там? И при чем тут какой-то Мак Боут? Я вообще не понимаю, что тут было.

– Уверен, Па все тебе объяснит, когда вернется. Надо только подождать.

– Целую неделю! – Теперь слезы застилали мне глаза, и я больше не мог видеть точку, куда уехал Па. – Целую неделю!

Я обернулся к Митивалю. Он сидел у стола, наклонившись вперед и опираясь локтями в колени. Вид у него был потерянный, как бы ни старался он это скрыть.

– Все будет хорошо, Сайлас, – заверил он меня. – С тобой буду я. И Аргус. Мы будем ждать вместе. И все у нас будет хорошо. А там глядишь – и Па вернется.

Я отыскал взглядом Аргуса. Он свернулся калачиком внутри сломанной деревянной кадушки, которая служила ему постелью. Это был беспородный охотничий пес, одноухий и кривоногий.

Потом я снова посмотрел на Митиваля. Тот вскинул брови и не сводил с меня глаз, пытаюсь внушить мне уверенность. Я уже упоминал, что Митиваль – привидение, но боюсь, это слово не совсем ему подходит. Может, дух... Или призрак... На самом деле я даже не знаю, как правильно его называть. Па считает его моим воображаемым другом или чем-то вроде того, но он не воображаемый. Митиваль такой же настоящий, как стул, на котором он сидит, как дом, в котором мы живем, или как собака. То, что, кроме меня, его никто не видит и не слышит, не означает, будто его нет. Ну а если бы вы могли его увидеть или услышать, то сказали бы, что он паренек лет шестнадцати, высокий, худой и ясноглазый, с шапкой темных непослушных волос и заливистым смехом. Он был со мной всю мою жизнь.

– Что же теперь делать? – едва слышно произнес я.

– Сначала посиди со мной и отдохни, – ответил Митиваль и похлопал по стулу рядом с собой. – Потом приготовь себе завтрак. Выпей горячего кофе. А когда будешь готов, мы с тобой оценим нашу ситуацию. Проверим шкафы, посмотрим, что у тебя имеется из еды, и поделим запасы на семь дней, чтобы ничего не закончилось раньше времени. Затем мы подоим Му, соберем в курятнике яйца и дадим Мулу сена, как делаем каждое утро. Вот что мы будем делать, Сайлас.

Пока он говорил, я подошел к столу и сел. Митиваль наклонился ко мне.

– Все будет хорошо, – произнес он и улыбнулся, подбадривая меня. – Вот увидишь.

Я кивнул, потому что он очень старался меня утешить, и я не хотел его разочаровывать, но в глубине души не верил, что все будет хорошо. И оказалось, что я был прав. После того, как подоил Му, наведалься в курятник и дал сена Мулу, сварил себе яиц и принес воды из колодца,

и после того, как вместе с Митивалем достал из кладовки всю провизию и поделил на семь порций по числу дней в предстоящей неделе без Па, и после того, как я подмел пол, наколот дров для печки и приготовил лепешек, которые все равно не стал есть, потому что голода не чувствовал, а только тошноту от непрерывного глотания слез, после того, как я переделал все дела и глянул в окно, то увидел перед домом того самого пони с белой отметиной на морде.

5

При свете дня он не показался мне таким уж маленьким, как минувшей ночью. Может, дело было в том, что тогда его окружали очень крупные лошади, не знаю. Теперь, когда он стоял под обгорелым дубом и щипал траву, я видел, что это обычный конь среднего размера, а вовсе не пони. Его черные гладкие бока блестели в лучах солнца, а изогнутую аркой мускулистую шею венчала небольшая голова с ярко-белой, ни на что и ни на кого не похожей мордой.

Я вышел из дома и осмотрелся вокруг. Ни Па, ни забравших его всадников видно не было. Вокруг меня простиралась безмолвная прерия. Утром прошел дождь, но потом тучи растаяли, только вдоль горизонта еще тянулось несколько полупрозрачных облаков.

Когда я двинулся к коню, Митиваль последовал за мной. Обычно животные возбуждаются при появлении Митиваля, но этот конь лишь косился в нашу сторону любопытным глазом. У него были длинные черные ресницы и узкий нос. А бледно-голубые глаза расставлены широко, как у оленя.

– Привет, дружище, – приблизившись, тихо произнес я и протянул руку, чтобы погладить его по холке. – Что это ты тут делаешь?

– Должно быть, он не поспевал за большими лошадьми, – высказал предположение Митиваль.

– И что же с тобой случилось? – спросил я, и конь повернул ко мне голову. – Ты отстал? Или они тебя отпустили?

– Станный он какой-то.

Конь смотрел на меня с таким вниманием, что я моментально проникся к нему симпатией.

– А мне кажется, он красавец, – заявил я.

– У него морда похожа на голый череп.

– Слушай, а что, если его специально послали за мной? – пришла мне в голову неожиданная мысль. – Помнишь, они хотели, чтобы я тоже поехал с Па? Может, они подумали и решили, что нельзя было меня оставлять.

– Разве конь смог бы сам найти дорогу?

– Я просто размышляю, – пожал я плечами.

– Давай посмотрим, нет ли чего в переметной суме.

Боясь испугать коня, я осторожно потянулся к луке седла. Но он продолжал спокойно наблюдать за мной, не выказывая ни страха, ни даже робости.

Переметная сума оказалась пустой.

– Может, Руф Джонс послал за мной одного из близнецов, – выдвинул я новую идею. – И тот взял с собой этого пони для меня, но потом что-то произошло – его сбросила лошадь или еще что-нибудь? А пони поскакал дальше один?

– Пожалуй, такое могло случиться, но все равно непонятно, как он нашел дорогу к нашему дому.

– Наверное, он просто шел тем же путем, каким его вели вчера, – рассудил я, но едва договорил, как меня осенило. – А может, это Па! – выдохнул я. – Митиваль! Может быть, Па вырвался от этих людей и помчался домой на том большом черном жеребце, но случайно упал, а пони продолжил путь!

– Нет, это невозможно.

– Почему нет? Очень даже возможно! Наверное, Па лежит сейчас где-то в Чащобе! Нужно найти его! – Я стал засовывать ногу в стремя, забыв о том, что босой.

Но Митиваль встал передо мной.

– Подожди, Сайлас, не торопись. Сначала нужно все как следует обдумать, согласен? – внушительно произнес он. – Если бы твой Па сбежал от тех людей, то не потащил бы за собой эту лошадь. Он бы изо всех сил гнал своего коня, чтобы как можно скорее добраться домой. Так что твоё предположение маловероятно, понимаешь? Скорее всего, этот конь каким-то образом затерялся в Чащобе, а потом сумел найти дорогу сюда. Так что вот мой совет: давай-ка напоим его, небось он весь вымотался, а потом вернемся в дом.

– Митиваль! – Я замотал головой; пока он говорил, мои мысли ушли далеко и звали меня за собой. – Послушай меня. По-моему, то, что пони появился здесь... это знак. Думаю, он пришел за мной. Не знаю, кто его послал, Па или сам Господь Бог, но это знак. Я должен найти Па.

– Да брось, Сайлас! Какой такой знак?

– Такой.

– Пф! – фыркнул он, отменяя мою идею.

– Хочешь верь, хочешь нет. – Я поставил ногу в стремя.

– Па велел тебе ждать дома! «Не смей покидать дом. Ни при каких обстоятельствах». Вот его точные слова. И ты должен слушаться. Через неделю он вернется. Нужно просто потерпеть.

На мгновение моя решимость угасла, хотя всего секунду назад мне все было абсолютно понятно. Митиваль порой умел посеять во мне сомнения. Умел переубедить.

– К тому же ты не умеешь ездить верхом, – добавил он.

– Еще как умею! Я же все время ездю на Муле.

– Мул не столько лошадь, сколько осел, давай признаем это. И кстати, сейчас ты тоже ведешь себя немного как осел. Пойдем в дом!

– Сам ты осел.

– Брось, Сайлас. Нам пора домой.

И он почти уговорил меня. Правду сказать, на лошади я сидел лишь пару раз в жизни, и оба раза это было так давно, что Па пришлось самому подсаживать меня в седло.

Но тут конь всхрапнул, широко раздув ноздри, и почему-то я воспринял это как приглашение ехать. Одна нога у меня уже была вде́та в стремя, я быстро подтянулся к седлу. Но когда я попытался перекинуть вторую ногу, моя босая пятка выскользнула из кожаной петли, и я навзничь плюхнулся в грязь. Конь коротко заржал и махнул хвостом.

– Черт! – выкрикнул я, шлепая ладонями по мокрой земле. – Черт! Черт!

– Сайлас... – укоризненно покачал головой Митиваль.

– Почему он уехал? – вырвалось у меня. – Как он мог оставить меня одного?

Митиваль опустил на корточки рядом со мной:

– Сайлас, ты не один.

– Один! – возразил я, чувствуя, как большая слеза без спросу заскользила по моей щеке. – Он оставил меня совсем одного, и я не знаю, что делать!

– Послушай меня, Сайлас. Ты не один. Понятно? Я с тобой. Ты это знаешь. – Говоря это, Митиваль смотрел мне прямо в глаза.

– Знаю, но... – Я запнулся и утер рукавом слезы; сейчас важно было найти верные слова. – Митиваль, я не могу сидеть и ждать. Не могу. Что-то говорит мне, что я должен ехать на поиски Па. Я костями это чувствую. Па нужна моя помощь. И поэтому пони пришел за мной. Разве ты не понимаешь? Он пришел за мной.

Митиваль вздохнул и отвел взгляд.

– Наверное, ты думаешь, что я чокнулся, – добавил я. – Ну да, так и есть! Лежу в грязи и спорю с привидением о лошади, которая появилась неизвестно откуда.

Митиваль поморщился. Я знал, что ему не нравится слово «привидение».

– Ты не чокнулся, – тихо возразил он.

Я просительно посмотрел ему в глаза:

– Мне бы только до края Чашобы добраться. Обещаю, дальше я не поеду. Если мы выедем сейчас же, то сможем обернуться до темноты. Туда же езды не больше двух часов, так ведь?

Он задумчиво смотрел в сторону холма. Я догадывался о том, какие мысли бродили в его голове. Возможно, у меня были точно такие же мысли. Чашоба уже много лет внушала мне неизъяснимый ужас. Однажды, когда мне шел восьмой год, Па взял меня с собой на охоту, и я от страха лишился чувств. В деревьях мне всегда чудились какие-то злобные фигуры. Думаю, совсем не случайно молния ударила меня, когда я стоял рядом с дубом.

– А что ты собираешься делать, когда доберешься до Чашобы? – продолжал спорить Митиваль. – Заглянешь в нее, крикнешь «ау!» и поедешь обратно? Какой в этом смысл?

– По крайней мере, я буду знать, что Па не где-то рядом, чтобы я мог помочь ему. Буду знать, что он не лежит в канаве раненый или... – У меня задрожал голос, и я взмолился: – Пожалуйста, Митиваль! Я должен это сделать.

Он отвернулся от меня и встал, покусывая нижнюю губу. Он всегда так делал, когда обдумывал что-то важное.

– Ладно, – наконец сказал он с сожалением в голосе. – Ты победил. Бесполезно спорить с человеком, когда он чувствует что-то костью. – Я хотел ответить, но Митиваль продолжил: – Только босиком ты никуда не поедешь! И без пальто. И этого коня нужно напоить. Так что прежде всего отведем его к поилке, дадим немного овса, а потом соберем тебе еды в дорогу. Ну а затем мы отправимся к Чашобе искать Па. Согласен?

Сердце чуть не выскочило у меня из груди.

– Значит, ты поедешь со мной? – спросил я.

Сам я не посмел предложить такое Митивалю.

Он вскинул брови и улыбнулся:

– Конечно я поеду с тобой, дурья ты башка.

Глава вторая

*У истории моей любви к тебе
Нет конца.*

Американская народная песня «Загадка»

1

Знаю, в это трудно поверить, но я помню день, когда умерла моя мать. Большую часть того дня я провел в ее животе и слышал, как бьется ее сердце при родах: словно маленькая птичка, которая рвется на волю. Когда я наконец появился на свет, Па положил меня ей в руки, я заерзал, и она улыбнулась. Но птичка в ее груди уже готовилась улететь. Мама успела отдать меня обратно Па как раз перед тем, как душа покинула ее тело. Я видел это своими младенческими глазами и помню до сих пор совершенно отчетливо: ее душа поднялась, как от пламени поднимается дым.

Разумеется, услышав такое, вы сразу подумаете, будто это Митиваль описал мне картину моего рождения и я усвоил ее как собственное воспоминание, однако это не так. Я помню все до мельчайших деталей. Помню мамины глаза, помню, как она улыбалась, несмотря на усталость и горечь оттого, что ей не довелось побыть со мной в этом мире подольше.

Уж и не знаю, почему, отъезжая от дома, я думал об обстоятельствах своего появления на свет. Когда находишься в смятении, в голову приходят самые неожиданные мысли. Должно быть, покидая дом, я думал о маме, а иначе как объяснить, что я зачем-то взял с собой ее баварскую скрипку? Тем более что путешествие предполагалось коротким. Футляр со скрипкой висел на крюке около двери, как висел там двенадцать лет, всегда закрытый, всегда почищаемый, и вдруг ни с того ни с сего я схватил его и вынес из дома. А меж тем руки у меня были и без того полны: моток веревки, нож, фляга воды, мешок с хлебом и солониной. И все это были нужные в дороге вещи. Но скрипка? У меня нет логичного объяснения, могу только предположить, что порой жизнь знает, куда она идет, когда ты сам этого еще не понимаешь. Наверное, где-то в тайных комнатах моей души жило знание о том, что домой я больше не вернусь.

2

Пони не слишком быстро ступал по высокой траве, и Митиваль без труда поспевал за ним, шагая рядом. Но Аргус не имел никакого желания кого-то догонять. Как бы ни просил я его поспешить, сколько бы ни цокал языком, призывая его, мой одноухий пес безразлично трусил позади на своих кривых лапах. А когда мы добрались до вершины холма, он посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Я возвращаюсь домой, Сайлас, прощай!» – развернулся и без малейших колебаний припустил обратно.

– Аргус! – крикнул я ему вслед.

Мой вдруг охрипший голос увяз в сыром воздухе. Я стал разворачивать пони, чтобы догнать собаку.

– Не надо, – остановил Митиваль. – Он и сам доберется до дома.

– Не могу же я оставить его одного.

– Этот пес прекрасно обойдется без нас, Сайлас. Если проголодается, то наведается к Хавлоку, как всегда. Да и потом, к ночи ты будешь дома. Так? Ты же обещал.

– Да, – кивнул я, ибо таковы были мои истинные намерения в тот момент.

– Ну так пусть себе возвращается домой, а мы сможем прибавить шагу. Больше не придется поджидать этого рохлю.

Митиваль бросился бегом вниз по склону. Холм с этой стороны порос бизоновой травой, а между плитами песчаника пробивались кустики ядовитого цветоголовника. Вот почему в наших краях не развивалось фермерство и, как следствие, жило мало людей – можно прошагать и час, и два, но не встретить ни души. Сюда не ступала нога земледельца, скотоводы бежали отсюда. Забытая богом Пустошь, так нужно было обозначить нашу местность на карте.

Я сделал глубокий вдох и слегка сжал пятками бока пони, чтобы он прибавил шагу и догнал Митиваля. Мне было страшно погонять коня – вдруг он разозлится и сбросит меня на землю или сорвется в галоп. Но вместо этого пони пошел легчайшей рысью. Казалось, он парит в нескольких футах над равниной.

– Ого, что это за всадник на быстроногом коне! – восхищенно ахнул Митиваль, когда мы его опередили.

Я натянул поводья, притормаживая:

– Видишь, он не скачет, а скользит! И почти не касается копытами земли!

– Тебе достался хороший конь, – признал Митиваль и улыбнулся.

– О, не просто хороший, – ответил я и наклонился вперед, чтобы похлопать лошадь по шее. – Правда же, Пони? Ты гораздо лучше, чем просто хороший, да? Ты чудо-конь, вот ты кто.

– Значит, так ты назвал его – Пони?

– Нет... Пока не придумал ему имя. Может, Буцефал? Так звали коня Александра Великого...

– Я знаю, кто такой Буцефал! – возмущенно перебил меня Митиваль. – И это слишком уж звучное имя для такого невысокого жеребчика. Пони, на мой взгляд, лучше. Гораздо больше ему подходит.

– А мне кажется, не очень. Говорю тебе, в этом коне есть что-то особенное.

– Я и не спорю. Но все равно считаю, что кличка Пони для него – самое то.

– Нет, я придумаю что-нибудь получше, вот увидишь. Хочешь поехать верхом вместе со мной?

– Нет-нет, я люблю ходить пешком. – И он пнул босой ногой узловатый кустарник. Сколько я его помню, Митиваль никогда не носил обуви. Белая рубашка, черные брюки, подтяжки. Иногда – шляпа. Но всегда босиком. – Хотя должен признать, здешняя почва какая-то странная.

– Должно быть, это солончаковые пятна, – определил я, присмотревшись. – Па тут копает бром.

– Похоже, будто идешь по дну пересохшего пруда.

– Помню, Па рассказывал, что когда-то тут был океан, миллионы лет назад.

– Когда мы были здесь в прошлый раз, под ногами так не хрустело.

– Ох, Митиваль! Надо было мне ехать с ним!

– Ты же не мог. Разве забыл? Он не разрешил тебе даже выйти из дома.

– Я говорю не про эту ночь. А про все те разы, когда он ходил сюда за солью. Когда отправлялся охотиться в Чащобу. Надо было мне ездить с ним.

– Охота не всем подходит.

– Если бы я не был таким плаксой...

– На твоём месте любой бы испугался медведя. Не переживай, это было давным-давно.

Я затряс головой:

– Это не оправдание. Надо было ездить, когда я подрос.

Митиваль ковырнул ногой кусок сухой земли.

– А теперь ты здесь, и только это имеет значение. И знаешь что? Думаю, Сайлас, Па был бы тронут твоим поступком. Не сразу, конечно! Сначала он ужасно разозлится на тебя за то,

что ты его не послушал, – и не говори потом, что я тебя не предупреждал! Но чуть погодя он станет гордиться тем, что ты сделал, тем, что у тебя хватило духу сесть на это странное существо, тем, что ты один отправился его искать.

Я невольно улыбнулся:

– Он вовсе не странное существо.

– Ты же сам понимаешь, что он странный.

– Это ты странное существо, а не он!

– Ай-яй-яй, как некрасиво!

– И я не один.

– Но он будет думать, что ты один.

– Скажи честно: ты считаешь, что напрасно я это затеял?

Митиваль посмотрел на встающий перед нами новый холм. Его склоны были изрезаны крутыми уступами.

– Я очень на это надеюсь, – признался он. – Послушай, Сайлас, Па – умнейший человек. Раз он поехал с ними, значит так надо было.

– Да, он действительно умнейший человек. – Я не мог не согласиться с этим. – Думаешь, именно поэтому они забрали его? Может, это как-то связано с его патентом?

– Не знаю. Может быть.

– Небось этот мистер Оскар Ренс, или как его там, прослышал об одном гении, живущем в Боунвиле. Вот почему он послал Руфа Джонса со своим деловым предложением. Ты согласен?

– Очень может быть, что и так, – кивнул Митиваль.

– Ну да, ведь в наших краях все говорят, что Па – гений. Не я один так считаю.

– Ты меня убеждаешь, как будто я сам этого не знаю.

– Я знаю, что ты это знаешь.

Разумеется, Митиваль знал. С самого раннего моего детства мы с ним оба знали, что Па – гений. Не было вопроса на всей огромной земле, на который Па не мог ответить. Не было того, о чем он не мог рассказать. Ему достаточно было прочитать книгу один раз, и он запоминал ее содержание целиком. Я сам видел! Так устроен его мозг. И поэтому в его голове хранилось великое множество самых разных книг, самых умных научных журналов. По всему, Па должен был стать Исааком Ньютоном нашего времени. Галилеем. Архимедом! Но когда ты рожден в бедности и к десяти годам остался сиротой, мир закрывается для тебя. С Па так и вышло, насколько я понял из обрывочных сведений, услышанных от него в разное время. Вообще-то, Па не любит о себе говорить. Его жизнь для меня – головоломка, которую я пытаюсь сложить из крошечных кусочков того, что мне известно.

Но то, что он настоящий гений, признают все обитатели Боунвила. Сапоги с маленьким тайником в каблуке. Цветные ферротипы. «Твой Па – гений!» – я столько раз слышал это от его довольных клиентов, что давно потерял счет. При встрече с чудом люди понимают, что это чудо, так устроен мир. Но они не видели и половины того, что умеет мой Па! Что случилось бы, проведай они хотя бы о части тех чудесных приспособлений, которые Па соорудил у нас дома? Машинка для делания льда... Обогрев горячим воздухом... Стеклянная колба, испускающая свет... К нам потекли бы толпы людей, желающих иметь в своих домах такие устройства! Продавая свои изобретения, Па стал бы самым богатым человеком в Боунвиле. Но Па не нужно было богатство. Все эти чудеса он делал только для мамы. Это для нее он построил наш дом и наполнил прекрасными творениями своего ума. Мама все оставила ради жизни с ним, и Па постарался, чтобы в этом глухом месте она имела любые удобства, о каких только можно мечтать. Какое-то время так и было.

– Что ты думаешь насчет этого Мака Боута, а?

Сидя верхом на Пони, я нечаянно заснул.

– Что? А-а, не знаю.

– Прости, не заметил, что ты вздремнул.
– Я не спал. Просто глаза устали, и я их закрыл. Пони и без меня знает, куда идти. Смотри, я даже не держу поводья. – Я поднял руки, чтобы Митиваль сам увидел.
– Ты опять назвал его Пони.
– Это временно, пока я не придумаю для него имя получше. А кстати, почему ты о нем спросил?
– О ком?
– О Маке Боуте. Какая нам разница, кто он такой?
– Не знаю. Наверное, мне просто стало интересно, только и всего.
– Что стало интересно?
– Ничего. Не знаю я. Не ищи там, где не спрятано.
– Ничего я не ищу! Но я не понимаю, зачем о чем-то спрашивать, если тебя это не интересует. А если тебя это интересует, то я хотел бы, чтобы ты не отпирался, а прямо бы сказал, о чем думаешь.

– Я не думаю ни о чем, о чем бы не думал ты. – Митиваль развел руками, а потом вытащил из заднего кармана брюк шапку, натянул ее на лоб и зашагал впереди меня.

Как-то раз Па, которому всегда был любопытен мой загадочный компаньон, спросил у меня, отбрасывает ли Митиваль тень. Я ответил: да, отбрасывает. Вот и сейчас, когда солнце у нас за спиной опускалось к опаленной его лучами равнине, тень Митиваля была как длинная черная стрела, ведущая вперед, в никуда.

3

Мы добрались до Чащобы позже, чем я ожидал, и встали перед ней, глядя на стену деревьев. Не было никакого перехода от равнины к лесу, никаких опушек и перелесков молодой поросли, предваряющих плотные ряды могучих стволов. Словно бревенчатая крепость вырас- тала за непроходимым плетнем из высоких колючих кустов.

– Па! – закричал я в эту стену. Я думал, что будет эхо, но получилось наоборот: мой голос словно приглушило невидимое одеяло. Словно я не кричал изо всех сил, а шептал самым тихим голосом во вселенной. – Па-а-а-а-а-а-а!

Пони отступил на несколько шагов, будто давая место для ответа. Но никакого ответа не последовало. Я услышал только вечернюю переключку птиц да мощный хор насекомых, исходящий из леса.

– Видишь что-нибудь?

Митиваль на корточках вглядывался через побеги ежевики вглубь Чащобы.

– Нет.

– Может, поищем отпечатки ног или копыт? Они подскажут, где можно войти в лес, – не сдавался я и вертел головой, пытаюсь найти какую-нибудь зацепку или знак.

Потом я спешил и подошел к Митивалю, а Пони остался жевать одуванчики в щелях каменистой россыпи.

– Если что и было, все смыл дождь, – сказал Митиваль.

– Продолжай искать.

– Позови его еще раз.

– Па-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – заорал я, приложив ладони рупором ко рту в надежде, что на этот раз мой голос пробьет стену деревьев.

Мы напряженно прислушивались, но никакого ответа не дождались.

– Ну что ж, тут его нет, – сказал Митиваль. – Уже хорошо, согласен? Ты боялся, что найдешь его в какой-нибудь канаве, и очевидно, что этого не случилось. Значит, это хорошо. Надеюсь, тебе стало легче.

Я одновременно и пожал плечами, и кивнул, а затем оглянулся на лавандовое небо позади меня. Края темных облаков вспыхнули алыми углями. Митиваль проследил за моим взглядом.

– До темноты осталось не больше часа. Нам надо возвращаться.

– Знаю, – ответил я, но не сдвинулся с места.

Вместо этого я снова вперил взгляд в Чашобу, стараясь вспомнить, что Па рассказывал о ней в тот раз, когда я был здесь вместе с ним. *Это древний лес, Сайлас. Люди охотились здесь тысячи лет. Знающие люди до сих пор могут отыскать их тропы.*

Но я не относился к числу знающих людей. Я так и не научился искать эти тропы, потому что не смог победить свою трусость и больше ни разу не вернулся в Чашобу.

– Надо было ездить с ним, – пробормотал я себе под нос.

– Перестань, Сайлас.

Ничего больше не говоря, я стал ходить взад и вперед вдоль стены леса, выискивая какой-нибудь проход или хотя бы щель, через которую смог бы протиснуться внутрь. Шершавые стволы первой линии деревьев стали темно-серыми, почти черными, даже несмотря на то, что низкое солнце светило теперь прямо на них. А за ними была непроглядная темнота, как будто ночь уже спустилась в Чашобу.

Я принялся топтать плети ежевики, чтобы подобраться к зарослям акации.

– Что ты делаешь? – спросил Митиваль.

Я проигнорировал его вопрос и продолжил искать проход внутрь Чашобы.

– Сайлас, ну хватит! Ты обещал. Пора возвращаться.

– Я говорил тебе, что хочу заглянуть в лес.

– Ты забыл, что произошло в прошлый раз?

– Разумеется, не забыл! Ты что, напомнить мне об этом хотел?

– Не ори на меня!

– А ты не спорь со мной.

Я очень рассердился: неужели он решил, что мне нужно напоминать о том случае? Разве я смогу когда-нибудь забыть, как впервые вошел в Чашобу, держа Па за руку? Я столько ждал, чтобы он наконец взял меня с собой на охоту! Но едва мы вошли в лес, как мне стало не по себе. Потом заболела голова. Стоял солнечный весенний день, кусты и деревья были усыпаны цветами, но меня колотила дрожь, словно наступила зима – наступила стремительно, сковав мое тело льдом.

Па, мне тут не нравится. Может, лучше пойдём домой?

Все хорошо, сын. Просто крепче держи меня за руку.

Откуда ему было знать, какой ужас меня охватил.

Что это за звуки?

Это птицы, Сайлас. Обычные птицы. Перекликаются друг с другом.

Но то, что я слышал, не было птичьим гомоном. Это были странные, тоскливые звуки, то ли крики, то ли стоны, и чем глубже мы заходили в Чашобу, тем громче они становились. Затем вдруг деревья вокруг меня ожили, обрели человекоподобные формы, затрясли ветвями-руками. Я заплакал, зажмурился и закрыл уши ладонями.

Па, уведи меня отсюда! Там за деревьями кто-то есть!

Я даже не понял, что же увидел или решил, что увидел, так как в следующий миг потерял сознание и упал. Митиваль рассказывал потом, что у меня закатились глаза. Я был без чувств, пока Па выносил меня из Чашобы, а очнулся только на повозке, у Па на руках. Склонившись надо мной, он смачивал мой лоб водой и гладил меня по слипшимся волосам. Меня по-прежнему била дрожь.

Па, я видел что-то! Я видел что-то за деревьями!

У тебя лихорадка, Сайлас.

Что это было там, в лесу?

Позднее, когда мне стало лучше и мы начали говорить о том, что случилось, это Па вложил мне в голову идею, что, должно быть, я заметил медведя. Он даже высказывал мнение, будто мое орлиное зрение спасло нам жизнь. Но я понимал, что он говорит так только затем, чтобы я не расстраивался. Может, я видел медведя? Может, и медведя.

– Но должна же быть какая-то тропа, ведущая в лес! – воскликнул я на грани отчаяния; вот мы здесь, у самой Чашобы, а внутрь попасть не можем. – Ты не помнишь, как мы шли, когда были здесь в прошлый раз?

Митиваль сложил руки на груди и склонил голову набок:

– Не могу поверить своим ушам! Сайлас, неужели ты нарушишь обещание?

– Но я же говорил, что хочу заглянуть внутрь! Далеко я не пойду, разумеется. Я все понимаю. Ну же, помоги мне, ты должен помнить дорогу.

Он глянул по сторонам:

– Честно – не помню. Для меня все эти деревья совершенно одинаковые.

Я ему не поверил:

– Чтоб тебя!

– А как ты смотришь на то, чтобы сейчас отправиться домой, а завтра снова сюда вернуться?

– Нет! Па здесь был всего двенадцать часов назад! Должны были остаться следы там, где они прошли! Прошу тебя, Митиваль, помоги мне! Я хочу только заглянуть туда одним глазком – и все.

– Что ты собираешься там увидеть? Объясни, что ты надеешься там найти?

– Не знаю! – чуть не заплакал я.

– Сайлас, ты сейчас плохо соображаешь.

Его рассудительный тон взбесил меня.

– Ладно, не хочешь – не помогай, – бросил я и вынул свой нож. – А если бы и хотел, то не сумел бы. На что ты вообще годеи со своими пустыми руками.

И я принялся кромсать ножом заросли, рубил направо и налево... Но через минуту-другую, изранив руки колючками, я увидел бесплодность своих стараний. С тем же успехом я мог бы резать полосы железа.

– Черт, черт, черт! – выкрикнул я.

Отшвырнув нож, я сел, скрестив ноги, оперся локтями о колени и зарылся лицом в окровавленные ладони.

– Сайлас... – Митиваль подошел ко мне.

– Не надо! – оборвал я его. – Сам знаю. Я плохо соображаю!

– Посмотри-ка на Пони. Обернись.

Его слова не сразу до меня дошли, так погружен я был в свое отчаяние. Но когда я понял, что сказал Митиваль, то стал искать взглядом Пони. Его не было там, где я оставил его. Он сдвинулся от нас футов на двести и теперь стоял среди кустарника – голова кверху, уши торчком, хвост бьется из стороны в сторону. Он стоял и не сводил глаз с Чашобы.

4

Медленно, осторожно, чтобы не спугнуть, я подошел к Пони. Я не хотел отвлекать его от того, на что он так внимательно смотрел. Но Пони даже не моргнул, когда я приблизился.

Проследив за его взглядом, я обнаружил между двумя совершенно неприступными на вид акациями нечто вроде дыры в зарослях. По форме она напоминала человека.

– Нет, ты только посмотри на это! – крикнул я Митивалю. – Нет, ты видишь? Пони и в самом деле привел меня на тропу! Я же тебе говорил, что он сможет!

– Да что со мной разговаривать? – вздохнул Митиваль. – На что я гожусь со своими пустыми руками?

– Ой, да брось ты! Ты же знаешь, я просто так это сказал.

Митиваль вздернул плечи, сунул кулаки в карманы пальто и продолжил дуться.

– Ну, как знаешь! – махнул я рукой. – Главное – я был прав. Он привел меня сюда, как я и думал. Так ведь, Пони?

Я стоял перед Пони, когда говорил эти слова, и мое лицо было примерно на одном уровне с его мордой, и вдруг ни с того ни с сего он – очень нежно – ткнулся носом мне в шею. Надо признать, что я еще плохо знал лошадей и их повадки, поэтому не ожидал подобного проявления чувств. Мул тыкал в меня носом только для того, чтобы побольнее укусить, ибо мягким нравом он никогда не отличался. Но Пони – это совсем не то, что Мул.

Несколько мгновений я смотрел коню в глаза, не в силах оторваться – так меня поразил его жест, а потом со всей возможной деликатностью забрался в седло. Этот маневр мне все еще давался с трудом, но Пони терпеливо ждал, пока я вскарабкаюсь ему на спину.

– Сайлас, ты решительно настроен пойти туда? – недоверчиво спросил Митиваль.

Он стоял позади меня, и я, чтобы ответить, обернулся. Прямо за Митивалем опускалось за горизонт солнце, и казалось, будто лучи света исходят из его тела.

– Я должен это сделать – я это костями чувствую. Извини, не могу объяснить точнее.

Сдаваясь, он пожал плечами:

– Ты ведь знаешь, что у тебя все лицо в крови?

Я посмотрел на свои окровавленные ладони. Да, ну и видок у меня был, наверное, но я не попытался вытереть лицо.

– А ты – ты пойдешь со мной или нет?

Он глубоко вдохнул:

– Раз обещал, значит пойду.

На мою благодарную улыбку Митиваль ответил лишь тем, что опять безрадостно пожал плечами. Тогда я надавил пятками на бока Пони, побуждая его двигаться. Не то чтобы он нуждался в подсказках. Он знал, что надо ехать. Знал куда. Осторожно, не торопясь, он пробрался через кустарник, а потом протиснулся сквозь проход в зарослях акации. Проход был узким, как щель, по размеру мальчишки на невысокой лошадке. Я представил себе, как мой Па, высоченный и на громадном жеребце, пролезал тут, пригибаясь к лошадиной шее и отводя в сторону ветки.

И тут мы вошли в Чащобу. Там было темно.

Тропа – если ее вообще можно было назвать тропой – вилась между деревьями. Прямо над моей головой смыкались нижние ветви, словно костлявые пальцы, сложенные в молитве. А еще они напомнили мне сводчатый потолок в той единственной церкви, где мне довелось побывать, – Па отвел меня туда, когда я выразил умеренный интерес к «Мужу скорбей». Мне хватило одного визита, и Па это вполне устраивало, так как он не был верующим человеком. Я же не был неверующим.

Чем дальше мы углублялись в лес, тем быстрее колотилось сердце в моей груди. Мне было холодно, но лицо горело. Воздух был густым от запахов мускуса и сырой земли. Меня начало мутить.

– Как ты там, Сайлас? – донесся из-за спины голос Митиваля.

Я знал: он догадывается, что мне нехорошо, так же как я догадывался, что он больше не дует на меня.

– Я в порядке, – ответил я, стараясь дышать ровно.

– Ты молодец.

– Что-то я замерз.

– У тебя пальто застегнуто?

– Я же сказал, что я в порядке! – Иногда его заботливость очень меня раздражала.

– Хорошо. Держись, парень, – спокойно ответил Митиваль.

Это было любимое выражение Па.

Я застегнул пальто.

– Прости меня за те слова. Про пустые руки.

– Не переживай. Смотри вперед.

Я молча кивнул, потому что говорить уже не мог. Холод пробирал до костей, да так, что у меня стучали зубы, но потом вдруг меня прошиб пот и закружилась голова.

«Держись, парень», – подбодрил я себя и сложил ладони у рта, чтобы согреть их дыханием.

– «Прощай, любовь моя, пора мне уезжать, – тихонько запел вдруг Митиваль. – С тобой расстанусь ненадолго...»

Эту песню он пел мне, когда я был маленьким и не мог заснуть.

– Прекрати, – прошептал я, смутившись, но потом поправил сам себя: – Нет, пой.

– «Но куда бы ни поехал, я вернусь, даже если буду за десять тысяч миль».

Митиваль напел и следующий куплет, но так тихо, что мелодия почти слилась со стуком копыт Пони и приглушенными шорохами Чащобы. Она как будто прилетела ко мне издалека и – не могу не признать – успокоила меня. Честно говоря, я был страшно рад, что оказался здесь не один, а с Митивалем. Я пообещал себе, что больше не буду злиться на него по пустякам.

Вскоре тропа вышла к большой каменной глыбе, выпирающей из-под земли. Я направил Пони прямо на нее, а когда он оказался на высшей ее точке, вытянулся в стремени в полный рост и стал осматриваться.

– Видно что-нибудь? – спросил Митиваль.

Я мотнул головой. К тому времени я весь покрылся мурашками, у меня тряслись руки.

Митиваль тоже взобрался на глыбу.

– Может, ты попробуешь еще позвать Па, а потом мы пойдем домой?

– Па-а-а-а-а! – крикнул я во влажные сумерки.

Мой крик был встречен испуганным гвалтом множества невидимых лесных обитателей. Они зафыркали, запищали, завyli в ответ. Я ощутил, хотя и не разглядел, всплеск мелких движений в ветках вокруг меня, как будто налетел порыв ветра. Когда все успокоилось, я стал ждать, не раздастся ли знакомый голос: «Сайлас, я здесь, сын. Иди сюда». Но не дождался.

Я крикнул еще несколько раз, и каждый раз ответом мне была та же странная смесь шума и тишины.

Свет к тому времени почти совсем ушел из Чащобы. Воздух стал синим, а деревья – черными. Может быть, летом, когда деревья покрыты листвой, лес бывает зеленым. Но сейчас в мире не осталось цветов, кроме черного и синего, по крайней мере так видели мои глаза.

– А теперь поехали домой. Ты сделал все, что было можно, – сказал Митиваль. – Нам надо возвращаться, а то станет слишком темно, чтобы разглядеть тропу.

– Знаю, – едва слышно отозвался я.

Он был прав, и я это понимал. И все равно был не в силах шевельнуться, не мог заставить себя развернуть Пони и отправиться в обратный путь.

Все это время, что мы находились в Чащобе, я боролся с дурнотой. Кровь стучала в ушах все громче, набирая мощь барабанного боя. *Бум. Бум.* Эти удары рождались внутри меня. Усиливались. Учащались. Смешивались с голосом Чащобы, который, я понял это, слышен был с самого начала. Гомон неуловимых лесных существ, треск веток, шуршание хвоста Пони, гудение насекомых и чавканье сырой почвы под копытами. Все это многозвучие хлынуло на меня со всех сторон, рекой влилось мне в уши. И вдруг я вспомнил. Вспомнил то, что слышал в тот раз несколько лет назад, когда был тут с Па и испугался до полусмерти. Ибо опять услышал это.

Ропот. Перешептывание. Стоны. Повсюду вокруг меня. Вот что я тогда слышал. Глухой хор голосов.

Но теперь я постарался собраться с духом, убеждая себя, что мне это только кажется. Что это «неукротимый полет моего воображения», как выразился однажды Па. «Никаких голосов нет, – внул я себе, – это просто шум леса».

И все же, как ни старался я вычленить те самые лесные звуки, слышал я теперь только странные обрывки речи, клочки фраз, возникающие и тающие в темноте. Все ближе и ближе. Их словно несло ко мне волной тумана. Воздух настолько заполнился словами, что я начал задыхаться. Они набивались мне в горло, в ноздри. Лились мне в уши. Разжижали мои кости.

– Сайлас, нам надо возвращаться! Сейчас же! – крикнул Митиваль.

– Да! – воскликнул я и попытался развернуть Пони.

Но его мышцы подо мной напряглись, сопротивляясь моим командам. Он резко запрядал ушами и дернул головой, а затем, пятясь, отступил на несколько шагов. Я отчаянно натянул поводья, потому что больше не мог бороться с паникой и хотел как можно скорее выбраться из Чашобы. Но это действие только напугало его, а может, он слышал то же, что и я. Как бы то ни было, Пони почему-то взвился на дыбы. А потом спрыгнул с глыбы – хвост трубой, шея вытянута – и пустился вскачь галопом. Нырять то влево, то вправо между стволами, он несся куда-то, а мне оставалось только цепляться за его гриву изо всех сил, пригибаться к его шее, чтобы не снесло голову проносившимися мимо ветками, а на то, что они царапают и хлещут меня по лицу, я уже не обращал внимания.

Не знаю, как долго Пони несся сломя голову. Десять минут? Час? Тысячу футов или десять тысяч миль? Когда он, весь мокрый от пота, наконец замедлил бег, я не мог оторваться от его шеи. Не мог поднять голову, выпутать пальцы из гривы. Он тяжело дышал, и я тоже. Я чувствовал, как бьется его сердце под моей ногой. Кто знает, сколько еще времени прошло, но наконец он остановился, и даже тогда я не сразу смог открыть глаза.

Я понятия не имел, где мы оказались. Да что там, я с трудом соображал, где верх, а где низ, – из моего положения мир казался покосившимся. Но потом я разглядел, что голые гладкие деревья расступились и стояли кругом на отдалении от нас. Темнота окончательно сгустилась – не до абсолютной черноты, конечно, но все превратилось в бесплотные тени. По крайней мере, здесь было тихо. Это я сразу отметил. Никаких приглушенных голосов. Никакого ропота, отбирающего у меня воздух.

– Митиваль, – позвал я тихо, потому что не чувствовал его рядом, затем сел, чтобы оглядеться, но не увидел его.

Я говорил уже, что Митиваль был моим спутником с тех пор, как я себя помню, но это не значит, что он постоянно находился при мне. Он всегда приходил и уходил, когда ему вздумается. Могло и несколько часов пройти без него. А бывало, что и целый день от него ни слуху ни духу. Правда, к ночи он обязательно появлялся. Я мог заметить, как он прогуливается неподалеку, мог обнаружить его сидящим на стуле в моей комнате, он или насвистывал какую-нибудь мелодию, или отпускал шутку – так или иначе, засыпал я всегда в его компании. То есть к его отсутствию я был привычен, но прямо сейчас, посреди этой дьявольской Чашобы, одна мысль о том, что его нет рядом, привела меня в неопикуемый ужас. Впервые в жизни мне пришлось в голову, что я могу потерять Митиваля. Или он может потерять меня. Правил нашего совместного существования я не знал.

– Митиваль! – завопил я. – Где ты? Ты слышишь меня? Отзовись!

Тут послышался треск сломанной ветки, и я повернулся. На край опушки вышел коренастый мужчина со снежно-белой бородой и прицелился в меня из блестящего пистолета.

– Какого черта! – удивился он при виде меня.

– Не стреляйте, пожалуйста! – вскрикнул я, вскинув руки вверх. – Я всего лишь ребенок.

– Это я вижу. Что ты тут делаешь?

- Я заблудился.
- Откуда ты?
- Из Боунвиля.
- Кто такой Митиваль?
- Я ищу своего папу.
- Митиваль – твой папа?
- Нет! Я заблудился! Прошу вас, помогите мне.

Старик как будто растерялся. Он тяжело вздохнул, и в его вздохе мне почудилось раздражение, – видимо, он был недоволен тем, что встретил меня. Пистолет он все-таки опустил.

– Не следует тебе бродить тут в одиночку, – проворчал он. – Ты же совсем мал. В этом лесу водятся пантеры, они вспорют тебе живот и насухо оближут твои кости быстрее, чем ты успеешь оглянуться. Слезай-ка со своего коня и иди за мной. Моя стоянка в ста ярдах. Да пошевеливайся. Я как раз собирался разжечь костер.

Так я познакомился с Инекком Фармером.

5

Когда события выходят из-под контроля, задавать вопросы нет особого смысла. Я слез с Пони, взял его под уздцы и пошел за стариком с опушки в гущу леса.

– По пути подбирай крупные сучья, – велел он мне, не оглядываясь. – Но тополь не бери, от него один дым. А для растопки будут нужны хвойные ветки. Только не уколись, у них иголки страх какие острые.

Так мы и шагали – он впереди, я с Пони чуть позади, – пока не вышли к небольшому ручью, который я без труда перепрыгнул. На другом его берегу мы пересекли болотистую прогалину и рожицу кленов, утыканых красноватыми почками. Наконец мы оказались на лужайке, где были навалены обгорелые бревна и угли старых кострищ. Я бросил собранный по дороге хворост на камень и отвел Пони к поваленному клену примерно в дюжине футов от костра. Там уже стояла привязанная к толстой ветке понурая гнедая кобыла с близко посаженными глазами – лошадь старика. Едва мы приблизились, как она оскалила зубы, словно злобный сторожевой пес. Однако Пони не обратил на нее ни малейшего внимания. Он просто мотал хвостом, пока я привязывал его в паре футов от кобылы.

Когда я вернулся на лужайку, старик стоял у груды дров и выбирал щепки потоньше.

- У тебя спички есть? – спросил он, по-прежнему не глядя на меня.
- Да, сэр. – Я вытащил из своего кошелю коробок спичек.
- Умеешь огонь разводить?
- Если только в печи. А костер в лесу – нет, не пробовал.
- Если не можешь зажечь костер, считай, что ты мертвец. – Он с трудом сел на бревно и стал растирать спину. – Я покажу тебе, что надо делать. Зовут-то тебя как?
- Сайлас Бёрд.
- А я Инек Фармер, – представился старик. – Ты взял с собой еду, Сайлас Бёрд?
- Да, немного солонины и хлеба.
- Я гнался за кроликом, но ты помешал мне своими криками, – с упреком сказал он и стянул сапоги. – А больше у меня нет сил охотиться.

– Можете взять еду у меня.

На это он заулыбался:

– Что ж, спасибо, Сайлас Бёрд. Какое забавное у тебя имя. – (Его борода обрамляла подбородок короткой белой щеткой.) – Ну что, Сайлас Бёрд, разведи-ка огонь, у меня спина что-то совсем разболелась. Потом мы сварим из твоей солонины похлебку. А как поедим, ты расскажешь мне, что, во имя святых, ты делаешь в этой глухомани. Как тебе такой план?

- Хорошо, сэр.
- Вытри лицо, кстати. Оно у тебя в чем-то измазано.
- Да, сэр, – ответил я, плюнул на ладонь и постарался оттереть засохшую кровь.
- Ты поранился или что?
- Нет, сэр.

Старик снова смерил меня недоверчивым взглядом, но все-таки научил разводить костер – как складывать дрова, где поджигать щепу. Он не столько говорил, сколько ворчал. Вскоре я узнал, что этот человек без малейшего стеснения рыгает, портит воздух и сквернословит. Он был полной противоположностью Па.

Костер в конце концов разгорелся. Тогда я под руководством Фармера оторвал кусок коры с дерева и свернул в некоторое подобие миски. В ней мне удалось вскипятить воды из ручья, в которую мы потом бросили солонину. Получилась отличная похлебка. Я с жадностью набросился на нее, макая в ароматную жидкость хлеб. Оказывается, я ужасно проголодался.

Старик закурил трубку и с любопытством наблюдал, как я ем. Опустошив миску наполовину, я протянул ее Фармеру.

- Да я уже перехотел, – пробормотал он. – Сам доедай.
- Спасибо.

– Что же, – произнес он, когда я наконец насытился, – пришло время выслушать твою историю, Сайлас Бёрд. Как это ты, черти тебя дери, оказался ночью один в лесу?!

Я отогрелся у огня, размяк от сытости. До того момента меня настолько поглощали насущные задачи, что не было ни минуты осознать ситуацию, в которой я оказался. Поэтому подобие участия, прозвучавшее в голосе ворчливого старика, застало меня врасплох. По щекам потекли слезы, и я стал тереть глаза рукой, делая вид, что прослезился от дыма и искр. Но на самом деле это вырвались наконец наружу последствия дня. Я рассказал старику коротко, что случилось. Как трое всадников забрали Па среди ночи. Как Пони вернулся ко мне и как я увидел в этом знак, что нужно ехать искать Па. Как я оказался в Чащобе. И как я потерялся. Конец.

Мистер Фармер кивнул и задумался над услышанным. Потом он выпустил из ноздрей длинные, словно щупальца, клубы табачного дыма. Пальцы, сжимавшие трубку, были толстыми и корявыми.

– Так, значит, вы не ждали этих всадников? – наконец спросил он. – Они сами к вам явились? А твой Па никогда с ними дела не имел? Не встречался с ними раньше?

- Нет, сэр.
- А чем твой Па зарабатывает на жизнь?
- Вообще он сапожник, но теперь стал коллодиотипистом.
- Кем-кем?
- Это такой фотограф.
- Что-то вроде дагеротиписта?
- Да.
- Как его зовут?
- Мартин Бёрд.

Мистер Фармер задумчиво почесал бороду, будто припоминая что-то.

- Ну а кто тогда тот Митиваль, которого ты звал?

В своем рассказе я ни разу не упомянул Митиваля. Наверное, надеялся, что Фармер забудет, как я звал Митиваля. Я опустил голову и промолчал.

– Послушай-ка, сынок, – начал мистер Фармер, – ты серьезно вляпался, сунувшись в Чащобу. Просто чудо, что тебя занесло в эту часть леса, а не в Топи. Там такая трясина, что проглотила бы тебя живьем. И если бы я не нашел тебя, то страшно подумать, что бы с тобой стало. Так и быть, утром я выведу тебя из Чащобы, хоть мне и не по пути. Но ты должен

выложить мне все начистоту, Сайлас Бёрд. Ты пришел сюда один или здесь есть кто-то еще, о ком я должен знать?

– Нет, здесь нет никого, о ком вам нужно знать.

Он опять уставился на меня с недоверчивым прищуром.

– Знаешь, у меня внук примерно твоих лет, – вдруг сказал он. – Тебе сколько – девять, десять?

– Двенадцать.

– Да ты что? – удивился он. – Какой-то ты мелкий для своего возраста. Смотри сюда, Сайлас Бёрд. – Он сунул руку в карман пальто, вытащил жестяной значок и, чтобы мне было лучше видно, поднял его над костром. – Знаешь, что это такое?

– Знаю. Жетон.

– Верно. Я федеральный маршал Соединенных Штатов Америки. Выслеживаю тут преступников, которые пробираются на восток. Нам дали наводку, что у них убежище в стене большого ущелья. Сейчас они опережают меня дня на три. И очень может быть, что ты и я ищем одних и тех же людей.

– Что? Вы ищете Руфа Джонса?! – воскликнул я, охваченный надеждой.

– Я не знаю такого имени.

– Тогда, может, Себа и Эбена Мортонс? Они близнецы.

– Нет. Так звали людей, которые забрали твоего Па?

Я кивнул:

– Их послал человек по имени... Оскар и как-то еще... Забыл. – Но пока я говорил, еще одно имя всплыло в моей голове. – А Мак Боут? Его вы знаете? – не успев подумать, выпалил я.

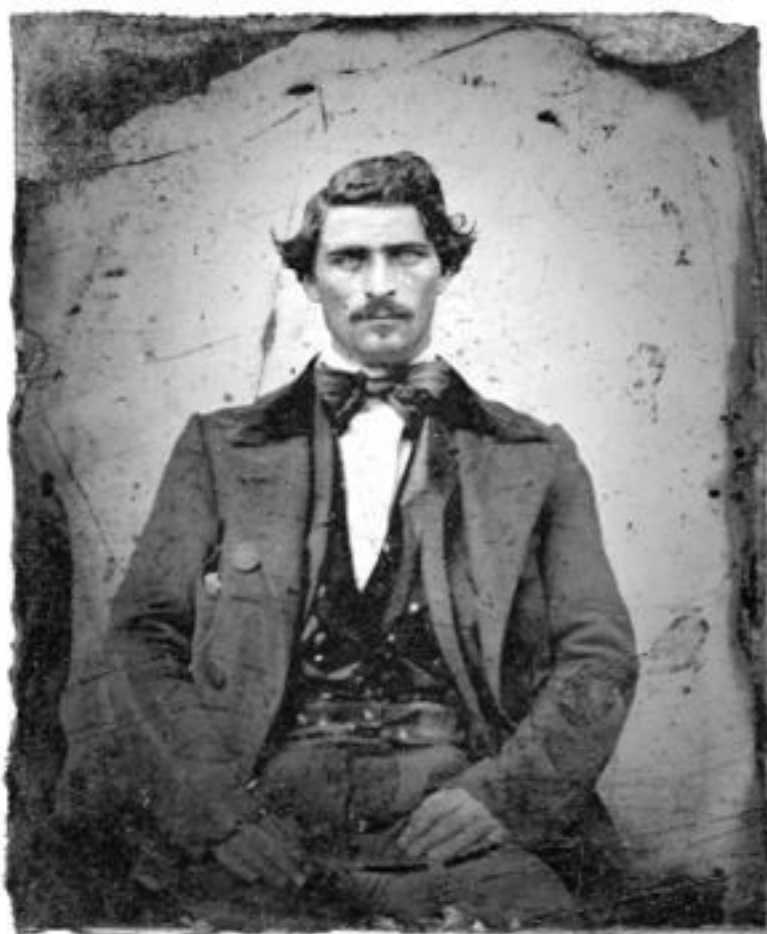
И вот тут мистер Фармер отреагировал.

– Что?! Мак Боут?! – выпучив глаза, воскликнул он. – Среди тех людей, кто приехал к вам ночью, был Мак Боут?

Его реакция заставила меня пожалеть о последних словах. И зачем я назвал это имя? Надо было держать язык за зубами.

– Нет, – ответил я. – Они просто упоминали его. Я не понял, кто это.

– Хм... Мак Боут – преступник в бегах, которого мы давно ищем, – пояснил Фармер, как мне показалось, с некоторым восхищением в голосе. – Не слышал его имени уж сколько лет. Но если он каким-то боком связан с тем, что приключилось с твоим Па, тогда наши пути поистине сошлись неслучайно. Потому что люди, которых я отслеживаю, состоят в крупнейшей банде фальшивомонетчиков на всем Среднем Западе. А Мак Боут – один из лучших фальшивомонетчиков в мире.

Глава третья

*Я безвестный бедный странник,
Что идет по миру скорби.
Американская народная песня «Странник»*

1

Память – странная штука. Есть воспоминания яркие и четкие, словно фейерверки в длинной черной ночи. А есть смутные и тусклые, как умирающие угли. Мне всегда хотелось навести в моей памяти порядок, но это как пытаться спрятать молнию в коробку.

Однако же я вышел победителем в схватке с молнией. Значит, есть шанс справиться и с памятью.

Не помню точно, когда Митиваль появился в ту ночь – первую из нескольких ночей, которые мне предстояло провести в Чащобе. Но помню, как проснулся под треск догорающего костра. Надо мной нависал древесный полог, и сквозь него виднелись куски ночного неба – остроугольные, словно осколки битого стекла. В черной бездне мигали тусклые свечки звезд.

«Почему звезды светятся? – подумалось мне. – И что там, дальше, за звездами?»

И я стал снова проваливаться в сон.

– Сайлас... – позвал меня Митиваль.

– Митиваль! – счастливо шепнул я и привстал. – Ты вернулся!

Мистер Фармер спал по другую сторону костра. До меня доносился его храп. Будить его мне совсем не хотелось, поэтому я старался шептать как можно тише:

– Я думал, ты потерялся.

– Просто не сразу получилось догнать тебя, – ответил Митиваль с ободряющей улыбкой; присев рядом, он погладил меня по волосам, но всю острогу моего облегчения понял, только когда я сжал его руку. – Эй, ты что, и правда думал, будто я не найду тебя?

Я только кивнул, не в силах справиться с чувствами.

– Глупыш... – мягко укорил он меня. – Смотри, огонь почти погас. Нужно подложить дров.

Тут я осознал, что весь продрог, хотя и укрылся подседельным одеялом, снятым со спины Пони. Стуча зубами от холода, я поднялся и бросил в костер несколько толстых веток. Пламя быстро и шумно разгорелось. Я сел рядом с Митивалем и, пытаясь согреться, обхватил себя руками и засунул ладони под мышки.

– Где ты был? – задал я вопрос.

– Ну, знаешь, там-сям.

Обычно я не говорил с Митивалем на подобные темы. Мне давно стало понятно, что Митиваль имеет смутное представление о некоторых аспектах своего Бытия. Нет, он не отказывался отвечать на мои вопросы, просто не знал ответов. Кажется, его происхождение было для него самого загадкой.

– Кто это там спит? – в свою очередь поинтересовался он.

– Один старый человек по имени Инек Фармер. Он меня нашел. Оказывается, он федеральный маршал Соединенных Штатов и отслеживает каких-то преступников. И похоже, это те же люди, которые забрали Па.

На лице Митиваля отразилось сомнение.

– Такие совпадения вряд ли возможны.

– Это не совпадение. Все устроил Пони. Он привез меня к маршалу. Я же говорил тебе, когда Пони вернулся: это был знак. Он хочет отвезти меня к Па.

Митиваль неуверенно улыбнулся:

– Надеюсь, что так оно и есть.

– Я это точно знаю.

– Кстати, Сайлас, признаюсь: я все еще немного обижен на тебя.

– Из-за «пустых рук»?

– Нет. Из-за того, что ты не сдержал своего слова не заходить в Чащобу. Ты ведь обещал мне.

– Да, я помню. Прости.

– Эта Чащоба не шутка, Сайлас. Тебе никак нельзя здесь оставаться.

– Я знаю! Вот почему я рад, что маршал нашел меня. Он показал мне, как разводить огонь и как сделать миску из коры. И научит идти по следу.

Митиваль задумчиво потер подбородок:

– Он кажется тебе хорошим человеком?

– По-моему, да. Говорит, у него внук моего возраста.

Судя по сведенным бровям, у Митиваля оставались сомнения.

– Так или иначе, тебе надо поспать, – сказал он.

Я опять улегся и натянул подседельное одеяло до самых ушей. Митиваль сел рядом, оперся локтями в колени и поднял лицо к небу. Повернувшись на бок, я стал смотреть на его профиль, который и так знал лучше всего на свете. Иногда чудо Митиваля изумляло меня с новой силой. Изумляла наша с ним необыкновенность.

Мне даже не хотелось задавать волнующий меня вопрос, чтобы не нарушать покоя момента, но я все равно спросил:

– Ты их тоже слышал, да? Перед тем, как Пони понес? Мне это не почудилось?

Митиваль сжал челюсти:

– Не почудилось. Я их тоже слышал.

– Значит, это был не медведь? Когда я был тут с Па?

– Не медведь.

– Но кто это? Или что?

– Честно – я не знаю.

– Они вроде тебя?

Он задумался ненадолго.

– Извини, но я не знаю. – Митиваль по-прежнему смотрел в звездную ночь, в ту же ночь, в которую смотрел и я. – Есть столько всего, чего я не знаю, Сайлас.

Я согласно кивнул: действительно, раз жизнь полна загадок, то и смерть, должно быть, тоже.

– Может, это похоже на ночной лес, вот как сейчас, – рассуждал вслух Митиваль. – Мы слышим все эти шорохи и вскрики вокруг нас. Падают ветки. Растет трава. В темноте разные существа умирают и рождаются. Мы этого не видим. Но мы догадываемся, что все это там есть, правильно? Мы это ощущаем. А ты, Сайлас, особенный. Ты ощущаешь то, что другим людям неизвестно. Это твой дар.

– Мне он не нужен. И никакой это не дар, а проклятие.

– Он может помочь тебе найти Па.

Я поразмыслил над этим.

– Пожалуй, ты прав. А еще с этим даром я могу видеть тебя. Это уже кое-что!

Митиваль улыбнулся и ткнул меня в бок:

– Полегче, дурья башка, а то я сейчас расплачусь!

– Сам ты дурья башка! – засмеялся я.

– Ш-ш-ш!

Я не заметил, что стал говорить в полный голос. Мы оба поглядели на мистера Фармера – не разбудил ли я его, но старик только повернулся на другой бок и продолжил храпеть.

– Хватит болтать, а то он проснется, – сказал Митиваль. – Да и тебе не мешало бы выспаться. У меня такое чувство, что в ближайшие несколько дней тебе будет не до сна. Наберись сил как следует.

– Но ты останешься тут, да?

– Конечно останусь. А теперь закрывай глаза.

Я закрыл глаза.

– Митиваль?

– Мм?..

– Как тебе Гринголет? – прошептал я, не открывая глаз.

– Это конь сэра Гавейна? По-моему, слишком высокопарно для Пони, – ответил Митиваль.

– Тогда, может, Персеваль?

– Персеваль... Хм... Тоже как-то не очень.

– Да, мне тоже так кажется.

– А теперь спи.

Я кивнул. И мгновенно заснул.

2

Пришел рассвет, но я проспал его. К тому времени, когда я открыл глаза, было уже ослепительно светло. При этом свет не падал сверху, а сверкал в капельках росы, выпавшей на деревьях. Черные мокрые ветки блестели, как после дождя.

– Ну наконец-то, засоня! – проворчал мистер Фармер.

Он уже натянул сапоги и занимался своей понурой кобылой. Казалось, он был готов ехать.

– Доброе утро, мистер Фармер, – промямлил я.

– Маршал Фармер, – поправил он. – Уж я тебя будил-будил, да все без толку. Живо, подъем!

Я встал, протирая кулаками глаза. Мое лицо покрылось коркой пыли, копчик и ноги болели после долгих часов в седле. Даже после ночного сна я был совершенно без сил.

– А что на завтрак? – спросил я, но ответом мне была лишь сердитая гримаса.

Костер давно прогорел, оставив после себя кучку белого пепла, и мне негде было согреться. При каждом выдохе из моего рта вылетало белое облачко пара. Нахлобучивая пониже шляпу, я заметил краем глаза Митиваля, прислонившегося к дереву на краю лужайки. Чтобы у маршала Фармера не возникало лишних вопросов, я почти не подал вида, что вижу Митиваля и рад ему.

– Ты разговаривал во сне, – сказал мне старик подозрительным тоном.

– Знаю. Па тоже слышал.

– И снова называл имя Митиваль.

В качестве ответа я как можно равнодушнее пожал плечами.

– Кто же он? – не отставал от меня маршал Фармер. – Кто он, этот Митиваль? Ты звал его, когда я нашел тебя. Он твой друг?

Я отошел по малой нужде за деревья, где меня не было видно, и думал, что избежал необходимости отвечать.

– Так что, это твой друг? – опять спросил меня старик, едва я вернулся.

Он явно решил добиться ответа.

– Просто скажи ему, что да, я твой друг, – крикнул мне Митиваль через лужайку.

– Да, сэр, это мой друг, – ответил я и подобрал с земли подседельное одеяло, чтобы отнести его к Пони.

– Вот как? И он пришел с тобой в Чашобу? – удивился маршал Фармер.

В ярком утреннем свете я впервые смог четко разглядеть его лицо. Он оказался гораздо старше, чем я сначала подумал. Ночью он был в шляпе, а теперь я увидел, что череп старика практически гол, если не считать длинных пучков седых волос, торчащих то там, то здесь, словно сорняки. Широкое лицо как будто сложили из кусков грубой сыромятной кожи, но мелкие складки в уголках глаз выдавали его добросердечность. Красный нос. Под подбородком топорщилась седая жесткая борода.

– Митиваль дошел со мной до края Чашобы, да, сэр, – ответил я, деловито расправляя подседельное одеяло на спине Пони. – Потом я поехал в лес, а он остался.

– Так, значит, он ждет тебя там, где вы расстались?

– Нет. Вряд ли он ждет меня там. Нет.

– Если я выведу тебя из Чашобы, ты сможешь один найти дорогу к дому? – теряя терпение, выпытывал у меня маршал. – Учти, у меня нет времени провожать тебя до самого дома, где бы он ни находился.

– Нет, что вы, не нужно меня провожать. То есть... я не хочу возвращаться домой, маршал Фармер. Если только вы не против, я бы хотел поехать с вами.

Маршал Фармер, который в этот момент затягивал подпругу на своей кобыле, фыркнул и дернул головой:

– Я самым решительным образом против!

– Пожалуйста! – взмолился я. – Мне нужно найти Па. Я уверен, что те люди, которые его увезли, как-то связаны с теми людьми, которых вы ищете. Если вы найдете их, то я найду Па. Достав из кармана яблоко, маршал Фармер протянул его кобыле.

– Связаны они или не связаны, я не знаю, но в любом случае ты со мной не поедешь.

Меня задело, что он скормил яблоко лошади, вместо того чтобы поделиться им со мной, ведь я поделился с ним своими припасами. Но потом я вспомнил, что из-за меня он упустил зайца. И все равно при виде яблока у меня засосало под ложечкой.

– Прошу вас, сэр, – продолжал я уговаривать маршала Фармера. – Позвольте мне пойти с вами. Дома меня никто не ждет.

– Твой Па говорил тебе, чтобы ты оставался дома, – сухо отозвался маршал, не отрывая взгляда от лошадиной морды. – Ты должен его слушаться.

– Но что, если он в беде?

Старик оперся о холку лошади и повернулся ко мне:

– Малец, твой Па по уши в беде. Но с чего ты взял, что сможешь ему помочь? Ты еще совсем малявка. У тебя даже оружия нет.

– Зато у вас есть.

Он хохотнул. В нем ощущалась душевная доброта, и мне казалось, что он вольно или невольно видел во мне своего внука.

– Послушай-ка, сынок, – поразмыслив, сказал он, – возвращайся-ка ты поскорее домой и жди своего Па там, где будешь цел и невредим. А я поищу его за тебя, договорились? Как, ты говоришь, его зовут, Мартин Бёрд? Как он выглядит?

– Очень высокий. И крепкий. И у него черные волосы, только на висках седые. У него ярко-синие глаза и очень белые зубы. Он красивый. И это не только я так считаю. Я видел, как леди опускают газа, когда он с ними разговаривает. На подбородке у него ямочка, такая же, как у меня, только ее не видно, когда отрастает борода.

– Отлично, я все запомнил, – похлопал себя по лбу маршал Фармер. – И сообщу его приметы своим помощникам, чтобы он в перестрелке не попал под огонь.

– Что значит «в перестрелке»?

Маршал Фармер нахмурился:

– Ты же не думаешь, что я собираюсь захватить банду фальшивомонетчиков в одиночку? – спросил он. – Как только я выслежу их и найду их убежище, то сразу соберу в Розашароне отряд. Это городок на другой стороне ущелья. Банки обещали награду любому, кто поймает фальшивомонетчиков, так что у меня будет достаточно желающих. А теперь живо садись на своего коня, а не то я так отстану от них, что следов не найду.

Он забрался в седло, причмокнул языком и развернул кобылу.

Я уже заканчивал седлать Пони и туго затянул подпругу. Пони неотрывно следил за мной взглядом, и сначала мне показалось, что он просит у меня яблоко. Но потом что-то в его глазах заставило меня переменить мнение: это он мне сочувствует, отвечает на мое настроение. Пони смотрел на меня совсем как человек. И я не мог избавиться от впечатления, будто он все понимает.

– Маршал прав, – подал голос Митиваль.

Я уставился на него сердито, потому что не мог ответить ему вслух.

– Что ты там копошишься? – закричал маршал Фармер.

– Еду! – ответил я уныло.

– Сайлас, самое мудрое сейчас – это вернуться домой, – сказал Митиваль.

Не глядя на него, я вставил одну ногу в стремя, а вторую перекинул через спину Пони. Мало того что маршал отказался брать меня с собой, так теперь еще и Митиваль поучает меня. В моей душе поднималось раздражение как на одного, так и на другого.

– До края Чащобы отсюда около часа езды, – объявил маршал Фармер и махнул рукой куда-то вправо от себя. – Я провожу тебя до березовой рощи. А там уже совсем близко.

– Хорошо, – буркнул я.

– Ну хватит, малец, чего ты надулся. Я же говорил, что тебе нельзя ехать со мной, – сказал маршал, ловя мой взгляд, но я упорно смотрел себе под нос.

– Так будет лучше всего, – вторил ему Митиваль.

– Поехали уже, – произнес я и вжал пятки в бока Пони, побуждая его догонять кобылу маршала Фармера.

3

Мы двигались рысью в направлении, которое указал маршал Фармер, пока не оказались на тропе слишком узкой, чтобы ехать бок о бок. Старик жестом велел мне ехать первым, а сам последовал за мной. Митиваль, держась на расстоянии, шел параллельно нашему курсу и то исчезал за деревьями, то показывался снова.

– Скажи-ка, что это за штукавина висит у тебя на седле? – спросил меня маршал Фармер через какое-то время.

Я притворился, будто не слышу его, потому что был не в настроении беседовать.

– Слышишь меня, малец? Что это у тебя такое? Похоже на малюсенький гроб.

– Это футляр для скрипки.

– Футляр для скрипки? Зачем он тебе тут?

Я опять промолчал. Раздражение во мне не утихало, наоборот, оно вскипало где-то в костях, поднималось по ногам, вдоль позвоночника и взрывалось в голове болью. Я весь превратился в боль.

– Зачем ты взял с собой футляр для скрипки? – повторил настырный старик.

– Чтобы не повредить скрипку.

– Тогда зачем тебе скрипка?

– Не знаю.

– Ты играешь на скрипке?

– Нет!

Маршал Фармер издал долгий, медленный свист, будто сыграл на дудочке.

– Слушай, я понимаю, что ты злишься. Я бы взял тебя, да не могу. И обещаю тебе, когда покончу с этим делом, то вернусь и проверю, все ли с тобой в порядке. Навешу тебя и твоего Па в вашем доме в Боунвиле. И ты должен мне жаркое из зайчатины, не забудь.

Он говорил примирительным тоном, но этим лишь сильнее рассердил меня. Я вообще не хотел ему отвечать, но не выдержал.

– Что, если он не вернется? – выдавил я сипло, как будто мое горло опалило огнем.

На маршала я не смотрел, потому что задавал этот вопрос не столько ему, сколько самому себе. И Митивалю тоже. Более того, в некотором смысле я задавал этот вопрос своему Па. Бросив меня одного, он нанес мне глубокую рану, хотя я и понимал, почему он так сделал. За прошедший день я осознал, что одиночество – это, пожалуй, худшее, что может случиться с человеком в этом мире. И вот опять: меня собирается оставить старый красноносый служака, с которым мы только что встретились. Это было выше моих сил.

– Что мне делать, если Па не вернется? – повторил я со страхом в голосе.

Маршал Фармер откашлялся. Ему понадобилось время, чтобы продумать ответ.

– Хм... У тебя есть какие-нибудь родственники, у которых ты мог бы пожить?

– Нет.

– А что твоя ма?

– Она умерла.

– Сочувствую.

– Она умерла при моем рождении.

– А у нее есть семья?

– Семья отказалась от нее, когда она вышла замуж за Па, из-за того, что у него ничего не было. И даже если бы я знал, где они живут и как их зовут, то не поехал бы к ним ни за какие богатства. И чтобы вам не пришлось спрашивать, сразу скажу, что у Па родни вообще никогда не было. Нас всего двое, он и я.

– Понятно. – Старик стал совсем серьезным. – Так, хорошо. Но может, ты мог бы пожить у друзей.

– Нет у меня друзей.

– А как же твой друг Митиваль? Наверняка его семья согласится тебя приютить.

Я не удержался и фыркнул от смеха:

– Нет, у Митиваля я не смогу пожить.

– Почему? Тебе не по нраву его родители?

– У него тоже никого нет!

– Никого нет? Сколько же ему лет?

Я потряс головой. Сейчас мне больше всего хотелось, чтобы маршал Фармер замолчал. Чтобы закончил мучить меня расспросами.

– Сайлас, сколько лет твоему приятелю? – не унимался он. – Я думал, он такой же мальчонка, как и ты.

– Нет, он не такой, – громко ответил я. – Он вообще не ребенок. По правде говоря, я даже не знаю, сколько ему лет.

– Сайлас, не сболтни лишнего, – предостерег меня Митиваль.

Но я был не в силах остановиться. Вопросы маршала Фармера настолько меня вымотали, что я больше не мог сдерживаться.

– Может, Митивалю сто лет. А может быть, и тысяча. Он мне ничего о себе не рассказывает.

– Сайлас, что ты делаешь?! – воскликнул Митиваль.

– То есть ты хочешь сказать, что он уже взрослый? – переспросил маршал Фармер.

– Сайлас, подумай как следует, прежде чем...

– Нет, он не взрослый. Он призрак, понятно? – быстро выпалил я. – Привидение! Вы не сможете его увидеть, даже если захотите! Это привидение!

Последние два слова я почти выкрикнул по слогам. Митиваль стоял и не сводил с меня глаз, пока я говорил, а когда я умолк, он скорбно покачал головой и пошел прочь между деревьями.

4

Наверное, надо это объяснить. Когда мне было лет шесть, мы все, то есть я с Митивалем и я с Па, согласились, что мне не следует обсуждать Митиваля с посторонними людьми. Эта договоренность была достигнута после неприятного происшествия с участием еще нескольких детей. Однажды, пока я стоял перед лавкой в Боунвиле и ждал, когда Па сделает покупки, дети услышали мой разговор с Митивалем. Они спросили, с кем я говорю, и я, не подозревая еще, как люди могут отнестись к подобным явлениям, ответил им без малейшего смущения: «Я говорю со своим другом Митивалем!» Можете себе представить, как они начали меня дразнить после этих слов! Издевались и насмешничали самым безжалостным образом. Один мальчик даже начал выкручивать мне руку и орать, зажмурившись: «Изыди, нечистая сила!»

Когда Па вышел из лавки и увидел их, в его глазах вспыхнула немая ярость. Дети бросились враспышную, как испуганные вороны в поле. Па поднял меня на руки, отнес в повозку и позволил мне держать поводья, чего раньше не случалось ни разу, ибо наш Мул отличался вздорным нравом, а мои руки были еще слабыми. Так мы и выехали из Боунвиля: Па сидел справа от меня, а Митиваль слева. «Послушай, Сайлас, – после долгого молчания сказал Па, – твоя дружба с Митивалем – это чудо, и его следует ценить и беречь. Но есть люди, которые не понимают подобных вещей, потому что не способны видеть чудеса. И может быть – но решать будешь только ты, – может быть, лучше не рассказывать никому об этой дружбе, по крайней мере пока не узнаешь человека очень, очень хорошо? Как ты считаешь?»

Митиваль по левую руку от меня кивнул: «Твой Па прав, Сайлас. Никому не нужно знать обо мне».

Едва слова сорвались с моих губ, как я пожалел о том, что наговорил в сердцах маршалу Фармеру. Но вернуть их я уже не мог. Как не мог вернуть и то, что случилось с тех пор, как три всадника подъехали к нашему крыльцу. Сказанное было мне столь же неподвластно, как и путешествие во времени. Вот еще что говорил мне Па: «Мир вращается только в одну сторону, а именно – вперед, и вращается так быстро, что мы этого даже не чувствуем». Однако в тот момент я почувствовал это. Мир несся вперед с головокружительной скоростью, и я мог двигаться только вперед.

Меня удивило, что маршал Фармер не сразу отреагировал на мое заявление. В затянувшейся паузе мои неосторожные слова повисли в воздухе, вокруг них кружились птицы, между ними толкалась мошकारа, и вся дикая Чащоба внимала им.

Молча мы доехали до березняка, где должны были расстаться. Маршал Фармер велел мне притормозить, но я пропустил его указание мимо ушей – оно меня как будто не касалось, я был захвачен поступательным движением копыт Пони и не мог заставить себя натянуть поводья. Тогда маршал поставил свою кобылу поперек тропы передо мной и развернулся в седле, чтобы посмотреть мне в лицо. Я подумал, что он собирается попрощаться, и оказался прав наполовину.

Он стянул с головы шляпу и поскреб свою лысину. Ему на щеку села муха, и он попытался смахнуть ее шляпой, но муха упрямо возвращалась на одно и то же место все время, пока он говорил.

– Сынок, ты должен быть честен сейчас со мной, слышишь? – произнес он. – С чего это вдруг ты стал болтать разные глупости? С какой целью ты это делаешь?

Я посмотрел ему прямо в глаза:

– Делаю – что?

Маршал снова нахлобучил шляпу и пожевал губами.

– Рассказываешь мне всякое про своего друга. Митиваля.

– О том, что он привидение?

– Черт бы тебя побрал! – взорвался маршал Фармер, которому стало не по себе от одного этого слова. – Но ты же не веришь в это, да? Ты просто хочешь разозлить меня, правильно?

Я отрицательно помотал головой и глубоко вдохнул. Тем временем из леса вышел Митиваль и встал прямо между нашими лошадьми.

– Скажи ему, что ты пошутил, Сайлас, – велел он мне негромко. – Давай закончим с этим и поедem домой.

– Я не хочу домой, – возразил ему я. – Я хочу найти Па.

– Да знаю я, малец, – ответил маршал Фармер.

– Я говорю не с вами, а с Митивалем, – заявил я и посмотрел на него с вызовом.

Маршал Фармер опять отогнал муху от своего лица, но мне показалось, что он просто тянет время, не зная, как это воспринимать.

– То есть, – осторожно предположил он, – ты хочешь сказать, что говоришь с ним прямо сейчас? Этот Митиваль где-то рядом?

– Да. Он стоит между нашими лошадьми.

Я заметил, как Митиваль неодобрительно пожал плечами – ему не нравилось мое поведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.